

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 02

В. В. Шилов

Синкретизм в развитии методологии библиотековедения

Ряд событий в развитии отечественного библиотековедения автор рассматривает как проявления синкретизма – особого научного направления. Предложен термин синкретичность для характеристики методов исследования.

Ключевые слова: синкретизм, синкретичность, библиотековедение, методология, библиотечное фондоведение, комплектование, духовная литература.

Синкретизм – термин, относительно новый для библиотековедения, но достаточно известный в общенаучном обиходе. Понятие синкретизма в философии культуры исследовано не так давно Ю. В. Архиповой [1]. Она отметила, что повышенный интерес к синкретизму как фактору развития культуры обусловлен интеграционными процессами в культурной и социально-политической жизни; необходимо целостное изучение синкретизма во всём разнообразии форм, связей, отношений.

До недавнего времени сосуществовали два основных толкования синкретизма. Рассмотрим сначала наиболее распространённое. Это разновидность эклектизма, крайний эклектизм – сочетание несовместимых, противоположных друг другу воззрений и положений. В этом смысле употребляет его, например Даниил Андреев, в трактате «Роза мира», характеризуя столкновение христианского мира и славянского язычества: оно «вряд ли даже осознавалось как глубокий духовный конфликт современниками Юрия Долгорукого или Василия Тёмного. Скорее это был род синкретизма – устойчивое, не вполне осознанное бытовое двоеверие <...>» [2. С. 157].

Традиционно было принято считать, что синкретизм проявляется в тенденции связывать между собой явления без достаточного внутреннего обоснования. Ясно, однако, и то, что принцип «разумной достаточности» всегда и особенно в творческой деятельности воспринимается людьми «достаточно» субъективно. Не менее справедливо это замечание по отношению к научному творчеству. То, что ясно исследователю-первооткрывателю, далеко не всегда кажется верным и «научно» обоснованным его коллегам (таких, как правило, большинство).

Во времена советского библиотековедения не раз велась полемика, в которой слово «синкретизм» не звучало, но обвинения одной из сторон по смыслу как раз ему соответствовали. Например, велась дискуссия о возможности математического моделирования в области «тонкой» идеологической деятельности, к которой, безусловно, относили и библиотечную работу. Противники математического моделирования настаивали, что всегда есть «сухой остаток», не поддающийся формализации. Сейчас вряд ли найдётся библиотеквед, открыто оспаривающий правомерность применения таких методов для исследования библиотечно-библиографических процессов.

Если в качестве посылок брать воззрения выдающегося отечественного учёного-психолога Л. С. Выготского, то синкретические обобщения (или такие обобщения, которые представляются вначале синкретическими) – это первая стадия в развитии, зарождении того или иного научного направления. Она может характеризоваться диффузным, ненаправленным переносом понятий, категорий из одной области науки в другую либо, что ещё более кардинально, – из одной науки в другую.

Синкретические связи (или связи, которые посторонними наблюдателями воспринимаются как синкретические) служат для дальнейшего отбора связей, проверяемых практикой и соответствующих действительности. К числу синкретических отношений, не выдержавших проверки исторической практикой, следовало бы отнести механический перенос принципа партийности из области журналистики в область государственной организации библиотечного дела. Конечно, эта связь временно соответствовала действительности, но лишь постольку, поскольку существовали определённый социально-политический строй и соответствующий ему уровень общественного сознания.

Другой пример. На определённом этапе развития отечественного библиотековедения в качестве синкретических воспринимались попытки установить связи между библиотековедением и информатикой, но как раз эти подходы выдержали проверку временем, и, в конечном итоге, многие библиотечно-библиографические процессы впитали в себя понятия и категории, более того – образ мышления, свойственные информатике, так что можно говорить о существовании некоей синтетической отрасли знания, пока использующей старое наименование.

Методология библиотековедения советского периода не могла не изменяться ввиду кардинальных преобразований, совершавшихся в жизни обществ. С середины 1980-х гг. в общественном и личном сознании библиотекарей начался глубокий переворот. Но всего лишь десятью годами раньше (в 1970-х гг.) в профессиональной печати прошла дискуссия о сути библиотековедения как науки, её объекте, предмете и месте в системе других наук. «Фундаментальной», как тогда выражались, критике подверглись «реакционные концепции» «буржуазного библиотековедения»; утверждалось, что методологией советского библиотековедения является «марксистско-ленинская философия как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления» [3. С. 31].

К середине 1990-х гг. прямой тезис о том, что эта методология – «единственно верная», был практически полностью отвергнут, но ещё продолжались попытки приспособить хорошо освоенный методологический аппарат (методы, законы, категории, принципы) к новым условиям.

Дебаты по поводу принципов организации библиотечного дела в стране, роли и трактовки так называемых общечеловеческих ценностей в библиотечном обслуживании, с одной стороны, а с другой – библиотечная практика и структура умонастроений во всём библиотечном сообществе, состояние учебников и метаморфозы позиций их авторов – всё это позволяет сделать вывод о том, что в библиотечном деле, в библиотековедческой науке в 1990-е гг. сосуществовали противоположные позиции, несовместимые концепции и теории. Синкретизм – особенность профессионального мировоззрения нашего библиотечного сообщества в целом на пройденном этапе его развития.

Происходящие в библиотечном сознании изменения можно охарактеризовать прежде всего как распад некоей целостности личных представлений и переживаний, сопровождаемый ощущением внутреннего дискомфорта. Нет никаких оснований считать, что сегодня эти процессы прекратились. Институт библиотек готовится к преобразованиям. Не случайно в одной из социальных сетей (Фейсбук) пытались выяснить моё отношение к прогнозу, что через 2–3 года библиотеки прекратят своё существование (читай: в своём сегодняшнем состоянии). Другую позицию можно сформулировать так: «Библиотекари – инженеры читательских душ». (Кстати, именно поэтому особую актуальность приобретают исследования в области профессионального сознания. Как для социолога важно знать не столько то, что люди пишут в анкетах, сколько то, что они думают, так и для библиотековеда важно не столько знать, что именно библиотекари приобретают для фонда, сколько то, в чём заключаются их предпочтения.)

Чрезвычайно важны последствия этого духовного процесса: библиотечный специалист (именно библиотечный!) получает возможность развить в себе способность к одновременному восприятию противоположных духовных начал. Вследствие этого раздвигаются границы его личности как субъекта культуры в культуросфере, а библиотековедение поднимается к новому уровню философского осмысления библиотечно-информационной деятельности.

Теперь приведу другое толкование синкретизма, точнее, совсем иное понятие, или иную общенаучную категорию, выражаемую тем же термином: это слитность, нерасчленённость, характеризующая первоначальное, неразвитое состояние. В этом значении термин употребляется в биологии для характеристики определённой ступени развития организма, в психологии – для характеристики особенностей мышления ребёнка раннего возраста. Синкретическим называют иногда «детское восприятие из-за схематичности и слитности его структуры: выделяются лишь общие контуры воспринимаемого объекта без анализа его частей и свойств» [4. С. 348].

С учётом солидного возраста отечественного библиотековедения (только советский период его развития длился три четверти столетия, в течение которых жили, работали и дискутировали по меньшей мере три поколения библиотековедов) напрашивается аналогия: наша библиотековедческая наука в 1980-е гг. впала в детство, поскольку решала вопросы, которые для так называемого буржуазного библиотековедения были пройденным этапом.

Возможно, в полной мере такая аналогия не является справедливой. Но ведь действительно лишь в середине 1970-х гг. наши библиотековеды пришли к согласию и стали разграничивать объект и предмет библиотечной науки, а известный библиотековед и книговед А. Я. Черняк тогда впервые произнес слово *синкретизм* [5], охарактеризовав его как ошибочный, недопустимый подход к проблеме. А. В. Соколов, со своей стороны, особо подчеркнул мысль: «синкретизм (слитность, нерасчленённость) характерен, в частности, для <...> классиков библиотековедения» [6].

Однако развитость библиотечной науки не определяется отсталостью взглядов отдельных её составляющих. На мой взгляд, показатель уровня её развития – степень структурированности. Ещё в начале XX в. библиотековедение воспринималось как единое целое. Учебник «Библиотековедение: общий курс» (1988) содержал семь разделов, дифференцированных по основанию технологии библиотечной работы (работа с читателями, каталоги, фонды и др.). Акцентирую внимание: выделена крупная и во многих отношениях синтетическая область, названная Ю. Н. Столяровым библиотечным фондоведением, со своим объектом и предметом исследований. На мой взгляд, структурирование науки по технологическому основанию – лишь первый шаг на пути от синкретической стадии к синтезу; он характеризуется комплексным подходом, когда в качестве объединяющего признака выбирается чисто внешний – в данном случае возможность членения всей технологии на ряд циклов, следующих друг за другом.

Истинно синтетический характер библиотековедения приобрело только тогда, когда стало использовать методы, свойственные другим наукам. В этом случае разнородные технологические циклы объединяются на основе какого-либо сквозного метода научного исследования (например, библиометрия пронизывает читателеведение, библиотечное фондоведение и библиографоведение; экономика библиотечного дела не мыслится вне интегрального подхода ко всем циклам библиотечной работы и т.д.).

Этот необходимый шаг сделан: с некоторых пор стало возможно говорить о целом ряде дисциплин, составляющих библиотековедение не по технологическому основанию, а по специфическим предметам исследования. Выше уже шла речь об экономике библиотечного дела. В упомянутом учебнике 1988 г. также названы библиотечная педагогика, библиотечная психология, социология библиотечного дела. Сегодня мы с полным правом можем добавить к этому списку библиотечную эконометрию, библиометрию, библиотечную этику.

Названные дисциплины представляют собой «вытяжку» из соответствующих самостоятельных отраслей знания (экономика, книговедение, этика), специально «изготовленную» для нужд именно библиотечной науки. И нет никаких оснований считать, что завтра не появится какой-либо новый раздел библиотековедения, раскрывающий особенности нашей отрасли с неожиданной и в то же время практически полезной стороны. Возможно, это будет сделано путём сопоставления, стыковки таких областей знания или таких концепций, теорий, подходов, которые вначале покажутся несопоставимыми, и это даст повод для упреков в синкретизме.

В связи с использованием библиотековедением методов других наук встает вопрос об эффективности подобного заимствования. Смею утверждать, что критерий эффективности не связан с положительными результатами, достигнутыми в ходе частных библиотековедческих исследований по тем или иным узким, отдельно взятым вопросам. Польза должна иметь общенаучный характер, быть обоюдною. Это значит, что идеи, возникшие при взаимодействии других наук с библиотековедением, должны быть плодотворными для самих этих наук. Если же подобный эффект не наблюдается, то, вероятно, рано говорить о диалектическом преодолении синкретизма в «стыковке» наук и о синтетическом единстве.

Чисто внешним и далеко не безусловным показателем преодоления синкретизма могут быть факты публикации библиотековедческих материалов в периодических изданиях иной отраслевой направленности, что необходимо исследовать.

Так как же всё-таки следует относиться к научному феномену, связанному тем или иным образом с носителем признака, обозначаемого эпитетом *синкретичный*? Здесь следовало бы разобраться в некоторых нюансах русского языка. Продуктивным суффиксом *-изм* снабжаются существительные, обозначающие «признак как общественно-политическое, идейное, научное или эстетическое направление, образ мыслей, склонность» [7. С. 59]. Все названные явления относятся к сфере осознанной или целенаправленной человеческой деятельности: можно, например, говорить о синкретизме не только как о научном или

эстетическом направлении, но и как о преднамеренной склонности к синкретическому образу мыслей и т.п. В этом смысле синкретизм, безусловно, заслуживает критического отношения, так как конечной целью научного исследования, в терминах формальной логики, является синтез.

Но у нас речь шла о совсем другом, хотя и родственном понятии, а именно о «непроцессуальном признаке», обозначающем изменчивое, количественно измеряемое свойство [Там же. С. 58]. Существительным со значением подобного признака свойственны иные суффиксы, в частности *-ость: синкретичность*. Свойство синкретичности является естественным для начальной стадии развития какой-либо науки, её раздела, метода решения научной проблемы, вплоть до уровня рабочей гипотезы. Таким образом, синкретичность (не синкретизм!) играет неоспоримо важную, а может быть и выдающуюся, роль в развитии научного, в частности библиотековедческого, познания, в решении творческих задач в самых разнообразных областях человеческой деятельности.

В целях восстановления научной истины обращусь к некоторым положениям, высказанным на 30-й Научной конференции молодых специалистов Российской национальной библиотеки (1994). Анализируя состав и содержание цикла «духовной» литературы, включающего произведения разных конфессий, Н. Ю. Рыжиковой [8] удалось избежать синкретизма в его втором, «греховном», значении. Цикл не рассматривался как однородно-реакционная масса, с позиций воинствующего атеизма: были выделены потоки публикаций, каждый из которых в своеобразной форме отражает противоречивые искания человеческого духа, мышления и образа жизни.

Отбор религиозной и атеистической литературы или же религиозной литературы различных конфессий в фонды государственных массовых библиотек – это не синкретизм, поскольку такое комплектование обусловлено глубоким внутренним смыслом, социальными функциями массовой библиотеки. В этом случае принцип комплектования уместно назвать плюрализмом, нейтральностью, толерантностью или как-либо иначе, осознавая, что и эти термины далеко не идеальны, но никак не беспринципностью (беспринципность, как мы полагаем, это не всегда отсутствие принципов).

Синкретизм в формировании фондов – это, на мой взгляд, непродуманные, непоследовательные решения в отборе документов для библиотечных фондов. Это может быть также и противоречивое размещение библиотечно-информационных ресурсов (например обязательных экземпляров изданий) на обширной территории большой страны с неразвитыми путями сообщения. И противоречие между принципами отбора литературы для фондов, с одной стороны, и принципами предоставления её в пользование, с другой (вспомним знаменитый тезис «партийность на входе и на выходе»: комплектуем всё, а выдаём кое-что).

В заключение подчеркну некоторые различия между оценками синкретизма как явления культуры в диссертации Ю. В. Архиповой и вытекающими из моей публикации.

«Для синкретизма характерным является органичное соединение элементов и структур» (с моей точки зрения, – *поиск возможностей органичного соединения* элементов и структур, ранее не соединяемых). «Синкретизм основан на принципе связи» (на мой взгляд, на стадии синкретизма *связь нащупывается*). «Синкретизм – это соединение, имеющее единые первородные корни» (по-моему, это *попытка доказать, что у соединяемых элементов и структур имеются единые первородные корни*). Но нельзя не согласиться с утверждением Ю. В. Архиповой, что синкретизм характеризует *процесс становления* (курсив мой. – В. Ш.) новых целостностей, качеств, выполняя, таким образом, онтогенетическую функцию. С этой точки зрения синкретизм как научное направление сыграл неоспоримо важную роль в развитии методологии отечественного библиотековедения, а синкретичность как метод – характерная черта современных исследований.

Список источников

1. **Архипова Ю. В.** Синкретизм в сфере культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2005. – 17 с.
2. **Андреев Д.** Роза мира. – Москва : Т-во «Клышников-Комаров и К^о», 1993. – 303 с.
3. **Библиотековедение: Общий курс** : [учеб. для ин-тов культуры]. – Москва : Изд-во «Кн. палата», 1988. – 224 с.

4. **Психологический** словарь. – Москва : Педагогика, 1983. – 448 с.
5. **Черняк А. Я.** Об объекте библиотековедения // Библиотекарь. – 1976. – № 1. – С. 63–66.
6. **Соколов А. В.** Объекты и предметы библиотековедения, библиографоведения и информатики (метатеоретический анализ) // Связь библиотечно-библиографических дисциплин с информатикой : сб. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Ленинград, 1982. – С. 10–46.
7. **Краткая** грамматика русского языка. – Москва : Русский язык, 1989. – 639 с.
8. **Рыжикова Н. Ю.** Фонды духовной литературы в государственных массовых библиотеках: к вопросу формирования и использования : сообщение / 30-я Науч. конф. молодых специалистов // РНБ. – С.-Петербург, 1994. – Машинопись.